

**Гомер
ОДИССЕЯ**

Песни IX–XII

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Одиссей прозорливый промолвил в ответ
Алкиною:

«Алкиной, повелитель, между народами
славный,
слушать подобного песнопевца — воистину
прекрасное дело (он голосом сходен с
богами);

5 не бывает, говорю, исхода радостней,
чем веселье, овладевшее каждым пирующим
(гости в комнатах слушают песнопевца,
рассевшись рядами; столы завалены мясом
и хлебом. Чашник черпает из кратера,
10 разносит гостям, вином наполняет кубки;
кажется сердцу: нет ничего прекрасней),
но сердце твое понуждает спросить о

невзгодах

скорбных, чтобы стенанье усилить слезами.
Что рассказать вначале и чем закончить?

15 Множество бедствий наслали небожители.

Имя сначала открою, чтобы знали:

избегнув безжалостной смерти, останусь
вашим

гостеприимцем, хоть и живу неблизко.

Я — Одиссей Лаэртид, известный людям

20 хитростью, молва обо мне к небесам
восходит.

Я живу на Итаке приметной — выдается
гора Нерит, с листвою зыблемой, а рядом

острова лежат поблизости друг от друга:
Дулихий, Зама, Закинф, поросший лесом.
25 Итака низкая — на море крайний остров,
на стороне темноты, а другие подальше —
к восходу и солнцу; скалистый остров,

прекрасный

воспитатель юношей. Нет зрелища сладостней
родной земли. Божественная Калипсо
30 держала меня в пустотелой пещере, хотела
взять в мужья, и коварная эйская Цирцея
хотела взять в мужья, удерживала в палатах,
но сердце в груди не поддалось уговорам,
ведь нет ничего любезней родных пределов
35 и родителей, если даже имеешь достаток
и живешь на чужой стороне, вдали от

родителей.

Если хочешь, расскажу о горьком
возвращении,

которое Зевс устроил отплывшим из Трои.
Ветер из Трои привел к Исмару киконскому,
40 мы разграбили город, захватили женщин
и вдоволь добра, перебив мужчин, разделили
добычу, никто не остался без равной доли.
Спутникам я приказал удалиться проворно,
но не послушались неразумные спутники.
45 Напивались вином и резали рядом с морем
овец и коров неуклюжих, изогнуторогих.
Киконы пошли и призвали других киконов,

соседей более доблестных и многочисленных,
живущих внутри страны, умеющих биться
50 на конях или пешим строем, если нужно.

Утром пришли, подобные множеству листьев
и весенних цветов. Суровая доля от Зевса
досталась несчастным, чтобы мы

настрадались.

Бились строем возле судов быстроходных,
55 метали — одни в других —

бронзовоострые копья.

Пока рассветало и день нарастал священный,
мы отбивались, хоть были они

многочисленной.

Солнце сместилось к вечеру, когда отпрягают
волов; поднажали киконы и разбили ахейцев.

60 Шестеро крепкопоножных с каждого судна
погибли, остальные избежали смерти.

Мы продолжили плаванье, с печалью в
сердце,

потеряв товарищей, но радовались, что
выжили.

Я задержал изогнутые суда, покуда

65 трижды не был помянут каждый
несчастный,

погибший на равнине, сраженный киконами.

Зевс, собирающий тучи, несказанной бурей
поднял порывы Борея, спрятал под тучами
землю и море. Ночь обрушилась с неба.

70 Корабли посбивались с курса. Сила ветра разрывала парус на три, на четыре части.

Паруса побросали в трюм, опасаясь смерти, налегли на весла, направились к берегу.

На берегу два дня подряд и две ночи

75 лежали; усталость и горе изъели сердце.

Пышнокудрая Эос прибавила третье утро.

Поставили мачту, расправили белый парус, расселись на судне. Работали ветер и кормчие.

Тогда я достиг бы отчей земли, невредимый,
80 но волны, течение с Бореем отнесли от

Киферы,

отогнали, когда корабли обходили Малею.

Девять дней носились под гибельным ветром по морю, полному рыбой, на десятый

достигли

земли лотофагов, едящих цветочную пищу.

85 Мы спустились на берег, воды набрали, вскоре обедали возле судов быстроходных.

Когда наконец подкрепились питьем и пищей, я отправил спутников выведать, что за люди, едящие хлеб, на этой земле обитают.

90 Выбрал двоих, а третьим был послан

глашатай.

Тотчас отправились и встретили лотофагов: не погибель они измыслили нашим

спутникам,

предложили всего лишь отпробовать лотоса.

Отведав плодов медвяного лотоса, спутники
95 не захотели к судам вернуться с известьем,

—
напротив, решили остаться среди лотофагов,
кормиться лотосом, забыв о возвратном
плаваньи.

Я привел их силком на судно (они рыдали),
связал, заволок под скамью пустотелого
судна,

100 спутникам верным велел подняться
спешно
на быстроходный корабль, чтобы кто-нибудь
не отведал лотоса, не забыл о возвращении.
Тотчас взошли, и расселись возле уключин
рядами, и взбили веслами пенное море.

105 Оттуда продолжили плаванье, с печалью в
сердце,

достигли земли надменных, неправедных
циклопов,
которые во всем полагаются на бессмертных:
ничего не сажают руками циклопы, не пашут,
но все родится без вспашки и сева, —
пшеница,

110 ячмень и лоза, дающая
прекрасногроздные
вина (Зевс укрепляет лóзы дождями).
Они не сходятся вместе — на собрания;
в беззаконьи живут на вершинах, в

пустотелых

пещерах, и каждый, как хочет, над детьми и женами

115 суд творит, не считаясь с другими циклопами.

Остров лежит небольшой на входе в гавань, не удален от земли циклопов, не близок, поросший лесом. Здесь обитают во множестве дикие козы без страха людского присутствия, 120 здесь не бывает охотников, которые

терпят

лишения, когда по вершинам блуждают.

Он не заполнен стадами, не покрыт наделами, остров, лежит незасеян и плугом нетронут, нет здесь людей, лишь козы пасутся и блеют.

125 Не имеют циклопы судов, окрашенных суриком,

нет корабелов, которые сладят судно, крепкопалубное, послушное человеку, плывущее в людный город, ведь так бывает, когда плывут один к другому через море.

130 Здесь бы стояли строенья славные — остров

плодороден, приносил бы плоды постоянно, луговины соседствуют с пенным морем —

нежные,

влажные: вот где бы вечно расти виноградникам.

Земля податлива, пахотна; обильный снимать бы

135 урожай посезонно — такая здесь тучная почва.

Гавань удобная есть, где канаты — излишни, чтобы бросить якорь, закрепить корабль, но можно пристать, переждать, покуда сердце не отправит в путь, не подует попутный ветер.

140 В изголовье гавани бьет прозрачный источник

из-под пещеры (черные тополя повсюду).

Мы вплыли в гавань; некий бог сопутствовал сквозь темную ночь, незримой казалась округа,

корабли окутаны были глубоким туманом, 145 луна не светила с неба, покрытая тучами.

Никто не заметил острова, не увидел даже высокие волны, бегущие в сторону берега.

Корабли крепкопалубные достигли берега, тогда на приставших судах спустили парус

150 и вышли на землю, возле морского прибоа,

спать улеглись в ожиданьи божественной Эос. Розовым проблеском ранняя Эос явилась.

Изумленные, мы кружили повсюду на острове.

Нимфы, дочери Зевса, эгидодержца, 155 подняли горных коз — угощение

спутникам.

Мы вернулись и взяли кривые луки и копья
длинногнздные, разделились на три отряда:
бог даровал желанное бьющим добычу.

Из двенадцати судов пришлось на каждое
160 девять коз, а мне назначили десять.

Целый день до захода солнца мы сидели,
угощаясь сладким вином и обильным мясом.
На судах еще не иссякло, в избытке осталось
красное вино, ведь вместе мы наполнили
165 амфоры, разграбив священный город

киконов.

Мы видели дым на близкой земле циклопов,
голосá различали, овечье и козье бляенье.

Когда опустилось солнце и настала темень,
на берегу заснули, возле морского прибоя.

170 Розовым проблеском ранняя Эос явилась,
я собрал своих людей, говорил со всеми:

«Здесь оставайтесь, прочие верные спутники,
на судне своем отправлюсь, со своей

командой,

здешний народ испытаю, что за люди,

175 надменные, свирепые, несправедливые, —
или радушные, богобоязненные в помыслах».

Я взошел на судно, призывая спутников
подняться на борт, отвязать кормовые канаты.

Тотчас взошли, и расселись возле уключин
180 рядами, и взбили веслами пенное море.

Достигли ближнего берега, увидели пещеру высокую — возле самого моря, под сводами лавров (большие стада, овечьи и козьи, здесь ночевали), а рядом высокое надворье 185 обнесено стеной из наломанных глыбин, рослыми соснами, дубами с обширной кроной.

Ночь проводил в пещере человек-громадина, далеко выгонял стада, в одиночку, избегая других циклопов, знавший одно беззаконие.

190 На удивление скроен гигант, не ровня людям,

едящим хлеб, но подобен лесной вершине, одинокой, вдали от других вершин

вознесенной.

Я приказал, чтобы прочие верные спутники остались там, затащив корабль на берег;

195 выбрал в дорогу двенадцать лучших спутников,

козий мех захватил с темно-красным, сладким вином, которое Марон Эванфид пожаловал в подарок, жрец Аполлона, защитника

Исмара,

ведь мы защитили жреца с женой и ребенком,

200 из почтения к нему (он живет в священной роще

Аполлона Феба). Жрец одарил превосходно: семью талантами золота прекрасной выделки,

кратером из цельного серебра, и наполнил
сладким вином без остатка двенадцать амфор,
205 неразбавленным, божественным (не ведал
никто из рабов и служанок об этом напитке,
только жрец и жена, и ключница знали).

Когда они пили красное вино, медвяное,
двадцать мер воды на кубок винный

210 приходилось; кратер издавал блаженный

запах,

сладостный — нельзя не пригубить напиток.

Я взял в дорогу огромный мех, наполненный
вином, и мешок со снедью (в сердце отважном
думал, что встретится дикарь неправедный,

215 облеченный мощью, не знающий

законов).

Мы скоро вошли в пещеру, но не увидели
циклопа: он выгнал на пастбище тучное стадо.

Мы разглядывали всё подряд: корзины,
отягченные сыром; в загонах теснились ягнята

220 и козлики, разделенные: рожденные

прежде —

в особом месте; в особом — рожденные

позже,

сосуночки — отдельно. Ведра с надоями,

чаши

крепкие — сосуды, истекавшие сывороткой.

Спутники сразу взмолились, просили жалобно

225 сыр захватить и вернуться обратно, и

следом

из загонов пещеры к быстрому судну выгнать
козлят и ягнят, и отплыть по соленому морю.
Я не поддался (полезней было послушаться),
в надежде увидеть хозяина, получить

подарок, —

230 горькая встреча предстояла спутникам.
Мы развели огонь, совершили приношение,
сидели, угощались сыром, в ожидании

циклопа.

Он вернулся с пастбища, принес древесины
высохшей, неподъемную тяжесть к трапезе.

235 Древесину в пещере свалил, с великим
грохотом.

Мы испугались, бросились в дальний угол.
Тучное стадо пригнал он в широкую пещеру,
гурт, который выдаивал, а самцы остались
снаружи, козлы и овны, на высоком надворье.

240 Поднял входной валун, установил в
проеме,

громадный, который двадцать и две телеги —
добротные, четырехколесные — не сдвинут,
такой огромный валун он поставил на входе.

Расселся, подоил овец и блеющих козочек,
245 все стадо, как дóлжно, и подложил

сосуночка

под каждую матку; заквасил в плетеных
корзинах

половину белых надоев, убрал корзины;
другой половиной наполнил сосуды, чтобы
напиться после, во время вечерней трапезы.

250 Когда наконец поспешил завершить
работу —

развел огонь, заметил нас и расспрашивал:

«Странники, кто вы? Откуда плывете по
влажным

дорогам? Заняты делом или скитаетесь
по морю, словно пираты, которые

странствуют,

255 головой рискуют, несут чужеземцам
горе?»

Так он сказал; сердца сокрушились от страха
перед ужасным голосом и видом чудовища,
я обратился к циклопу с ответным словом:

«Мы ахейцы, унесенные из Трои натиском

260 разных ветров, над великою глубиью моря.

Мы плывем домой, но неверным путем,
неверной

дорóгой — таков, вероятно, замысел Зевса.

Заявляем гордо: мы — воители Агамемнона,

Атрида, чья поднебесная слава огромна,

265 он разграбил великий город (сколько
народа

он погубил!), а мы, пришлецы, припадаем

к твоим коленям, одари гостей как хочешь,

сделай подарок, по законам гостеприимства.

Побойся богов, сильнейший, ведь мы —
просители;

270 Зевс — он мстит за просителей и гостей,
странно —

приимный, сопутствует гостю и держит в
почете».

Так я сказал. Он ответил, жестокий в сердце:
«Глупый ты, странник (или приплыл
издалёка),

велишь бояться богов, уклоняться от гнева.

275 Пренебрегают циклопы
Зевсом-эгидодержцем

и богами блаженными — мы сильней
намного;

ни тебя, ни спутников не пощажу (не пугает
Зевсова злоба), разве что сердце обяжет,
но скажи, чтобы ведать, где ты оставил
корабль,

280 крепкий, далеко ли отсюда или
поблизости?»

Так он меня испытывал, но я догадался,
многоумный, отвечал изворотливым словом:
«Корабль разломал Посейдон, земли
сотрясатель,

швырнул на камни вашей земли, приблизив
285 к закраине (ветер из моря вынес корабль),
вместе мы спаслись от неизбежной смерти».

Так я сказал. Не ответил, безжалостный в

сердце,
быстро поднялся; рукою, простертой к
спутникам,
схватил двоих, размозжил, как щенков, о
землю:

290 мозг головной излился, увлажняя землю.
Он разрезал обоих, приготовил ужин.
Он сожрал их, как лев, горами
вскормленный, —
всё без остатка: мясо, потроха и кости.
Увидев злодейство, мы взвыли, воздевая руки
295 к Зевсу; беспомощность сжала каждое
сердце.
Когда циклоп наполнил огромное брюхо
человечиной, запив молоком неразбавленным,
—
заснул в пещере, разлегшись между овцами.

В бесстрашном сердце я замыслил
приблизиться,
300 выхватить острый меч, висящий в ножнах,
нащупать, где печень прикрыта грудною
клеткой,

нанести удар, но другой удерживал помысел:
тогда бы мы погибли неизбежной смертью,
ведь мы не смогли бы сдвинуть руками
камень

305 огромный, который стоял в высоком
проеме.

Проливая слезы, ждали бессмертную Эос.
Розовым проблеском ранняя Эос явилась.
Он развел огонь, передоил, как должно, стадо
и подложил сосуночка под каждую матку.

310 Когда наконец поспешил завершить
работу —

снова схватил двоих и приготовил кушанье.
Позавтракав, вывел наружу тучное стадо,
легко отодвинул огромный камень и снова
установил в проеме, будто колчан закупорил;
315 присвистнул и тучное стадо направил в

горы.

Я остался в пещере обмысливать злобно
расплату, лишь бы Афина вняла молитве.
Лучшим представился в сердце замысел этот:
возле загона лежала циклопья палица,
320 огромная — зеленый ствол маслины,

срубленный,

чтобы носить, подсохший, на вид подобный
мачте на двадцативесельном, черном судне,
широком, грузовом, плывущем по морю,
таким он казался — в длину и в обхват —

огромным.

325 Я подошел и отрубил не меньше сажени,
спутникам приказал обтесать обрубок.

Они всё исполнили, а я заострил обрубок,
приблизившись, затем острие обуглил
в пламени, спрятал его под кучей навоза,

330 который во множестве лежал в пещере.

Заставил кинуть жребий — кто посмеет
взять и воткнуть обрубок в глаз циклопий,
когда подступит сладостный сон к чудовищу.

Четверо были избраны (этих спутников
335 я выбрал бы сам), а пятым меня избрали.

Вечером он возвратился; тучное стадо,
прекраснорунное, загнал в широкую пещеру,
не оставил снаружи, на глубоком надворье, —
своим ли помыслом или бог приневолил.

340 Камень поднял высоко, установил в

проеме,

расселся, подоил, как должно, овец и козочек
блеющих и подложил сосуночка под каждую.

Когда наконец поспешил завершить работу —
снова схватил двоих и приготовил кушанье.

345 Я приблизился, стиснув деревянную

чашу,

в которой вино чернело; промолвил циклопу:
«Вот тебе, выпей, ведь ты вкусил человечины,

—
узнаешь, что за напиток на судне хранился.
Возлиянье принес для тебя, в надежде, что
сжалишься,

350 отошлешь домой, но вынести твое
безумство
невозможно. Жестокий, кто из людского
множества

приплывет к тебе, ведь ты поступил
неправедно?»

Так я сказал. Он взял и выпил, и наслаждался
приятным питьем, спросил повторную чашу:
355 «Любезно добавь еще, и поведай тотчас
же,

кто ты по имени (выдам подарок по нраву),
плодородная почва приносит вина
прекрасно —

гроздные (Зевс укрепляет лóзы дождями),
но этот напиток — сродни амброзии с
нέктаром».

360 Так он сказал. Я поднес, и трижды
протягивал
сверкавший напиток; трижды испил
безмозглый.

Когда вино помутило рассудок циклопа,

тогда наконец я ответил циклопу вкрадчиво:
«Циклоп, ты желаешь выведать славное имя.
365 Отвечу тебе, только выдай подарок
обещанный.

Меня зовут Никто. Никем называют
мать и отец, и все, без изъятия, спутники».
Так я сказал. Он ответил, жестокий в сердце:
«Я сожру Никого последним из спутников,
370 после других, — такой тебе выдам
подарок».

Он повалился навзничь, разлегся (жирная
шея выгнулась). Сон, укротитель всеобщий,
охватил циклопа; вино излилось, смешавшись
с человечиной: он блевал, вином тяготимый.
375 Я вогнал обрубок в костер затлевающий,
ждал, пока раскалится, подбадривал
спутников,

чтобы не испугались и не отпрянули.
Когда обрубок маслины почти загорелся,
накалившись сильно, хоть и был он зелен,
380 я вытащил его (стояли спутники рядом:
божество вдохнуло великую смелость).
Мы взяли заостренный обрубок, втолкнули
в глаз. Я надавливал сверху, поворачивал,
как человек, буравящий корабельные доски
385 (другие снизу вращают ремнем,
схватившись
с обеих сторон, — бурав непрерывно

работает).

Так мы держали и ворочали обрубок
раскаленный: кровь заливала обрубок.
Веко и бровь целиком спалило, глазное
390 яблоко выгорало, в основаньи шипящее.

Будто кузнец окунает в студеную воду
лезвие топора или тесло (закаляется,
сильно шипит металл окрепший), так же
глаз зашипел вокруг обрубка маслины.

395 Он завопил; пещера повторила вопль.

Мы отпрянули в страхе. Тогда он выдернул
масличный обрубок из глаза, измаранный
кровью, отбросил в сторону, разъяренный,
призвал громогласно циклопов (они обитали
400 в соседних пещерах, в горах, обдуваемых

ветром).

Они услышали, пришли отовсюду к пещере,
стояли и спрашивали, что терзает циклопа:

«Чем ты измучен, Полифем, что завываешь
так сквозь нетленную ночь, не даешь покоя?

405 Смертный, быть может, обидел, похитив
стадо?

Изводит тебя коварством или силой?»

Могучий Полифем закричал из пещеры:

«Друзья, Никто меня губит коварством, не
силой».

Они отвечали, сказав оперенное слово:

410 «Даже если никто не изводит в

одинокости,

нельзя избежать болезни, посланной Зевсом,
лучше молись родителю,

Посейдону-владыке».

Сказав, разошлись, и сердце мое рассмеялось,
(так был циклоп одурочен именем и

лукавством

415 безупречным). Он застонал, измученный
болью,

нащупал камень, выдвинул из проема,
расселся на пороге, растопырил руки,
чтобы ловить выходящих с гуртом из пещеры,

—

ведь он полагал, что я поступлю безрассудно.

420 Я размышлял, как сделать правильной,
чтобы

спасти от смерти себя и спутников, разные
выплетая коварные замыслы, ведь жизнь

висела

на волоске — грозила опасность великая.

Лучшим представился в сердце замысел этот:

425 были в пещере густошерстные бараны,
большие и тучные, прекрасные, темнорунные.
Я связал их беззвучно — сплетенными

лозами,

взяв из подстилки несправедного чудовища.

Связывал по трое, средний тащил человека,

430 двое с обеих сторон оберегали спутников,

на каждого — три барана, а мне достался
овен, воистину лучший в целом стаде.

Обхватив хребет, под брюхом косматым
я свернулся, лицом к чудесной шерсти,
435 держался, не отрываясь, выносливый

духом.

Проливая слезы, ждали бессмертную Эос.
Розовым проблеском ранняя Эос явилась,
гурт устремился наружу, на выпас; в загонах
блеяли матки недоенные (вымя раздулось
440 от молока). Хозяин, измученный болью,
ощупывал спины баранов, стоявших рядом,
но не догадался, неразумный, что спутники
подвязаны к брюхам шерстоносных баранов.

Последним вышел овен, отягченный шерстью
445 (он тащил меня, прозорливого в

замыслах).

Могучий Полифем ощупывал шерсть и
молвил:

«Добрый овен, отчего оставляешь пещеру
последним, ведь прежде не следовал за

другими,

но скорым шагом спешил на выпас, к
соцветьям

450 мягким, первый выходил к речным
потокам,

вечером первый стремился вернуться в
пещеру?

Теперь — последний. Тебе не хватает,
конечно,
хозяйского глаза, который исторг разбойник
и гнусные спутники, вином усмирив рассудок.
455 Никто, говорю, еще не избежал гибели.
Если б ты мог говорить, со мной в согласьи,
открыл бы, конечно, где прячется он от гнева.
Я размозжил бы его — по всей пещере
растекся бы мозг, тогда отдохнуло бы сердце
460 от злой обиды, ничтожным Никем
причиненной».

Так говорил и наружу выпустил овна.
Отдалились немного от пещеры с надворьем;
я выбрался первым, отвязал притороченных.
Развернули баранов, погнали тучное стадо,
465 тонконогое, пока не достигли судна.
Мы появились, избежав гибели, желанные
спутникам, но стенали они по умершим.
Я не позволил оплакивать, повел бровями,
запрещая; велел завести баранов на судно,
470 прекрасношерстных, и отплыть по воде
соленой.

Тотчас взошли, и расселись возле уключин
рядами, и взбили веслами пенное море.
Отплыв настолько, что можно услышать
выкрик,
я обратился к циклопу с насмешливой речью:
475 «В полой пещере, циклоп, сожрать

собирался

спутников смелого мужа, полагаясь на силу.

Пришлось заплатить сполна за преступное
дело,

жестокий, ведь ты не боялся сожрать

гостивших

в доме. Отплатил тебе Зевс и другие боги».

480 Так я сказал. Он в сердце сильней

взъярился,

вершину огромной скалы отломил и бросил,
она обрушилась перед темноносым судном,
[едва не затронув край судового кормила.]

Всплеснулось море от глыбы, упавшей в воду,

485 обратная волна понесла корабль к берегу,
как морской прилив, и прибила вплотную.

Я схватил удлинённый шест, оттолкнулся,

кивком головы побуждая спутников — крепче
держатъ рукояти весел, избегая смерти.

490 Они налегли на весла. Когда мы отплыли,

удвоив прежнее расстояние на море,

я прокричал, обратившись к циклопу, но

каждый

спутник — по-своему — сдерживал

примирительно:

«Жестокий, зачем раздражаешь дикого мужа?

495 Он бросил камень в море, пригнал

корабль

обратно к суше, мы думали: вот она, гибель.

Если он услышит голос или хоть звук единый

—
мраморный бросит утес, проломит головы
и корпус судна, так далеко швыряет».

500 Сказали, но не склонили отважное сердце,
я обратился вторично, разгневанный в сердце:
«Циклоп, если смертный какой-нибудь

спросит,

кто постыдно выколол глаз, ответишь:

Одиссей оставил незрячим, сын Лаэрта,

505 городов разоритель, который живет на

Итаке».

Так я сказал. Циклоп возопил и ответил:

«Горе! Настигло меня былое пророчество:
некогда был здесь достойный, великий

провидец,

Телем Эвримид, в ведовстве отличившийся,

510 он состарился здесь, прорицая циклопам.

Он открыл мне все, что случится в будущем,
предрек, что ослепну от руки Одиссея.

Я ожидал, что появится человек, прекрасный
видом, высокий, облеченный великой мощью,

515 а теперь ничтожный, немощный,

малорослый

выколол глаз, вином укротив сначала.

Одиссей, подплыви, — обеспечу подарком,

скажу Сотрясателю, чтобы отправил в дорогу,
ведь я — Посейдонов сын (он сам

утверждает).

520 Посейдон излечит меня, если только захочет,

больше никто из смертных или блаженных».

Так он сказал. Я промолвил ответное слово:

«Вот бы мне суметь из тебя исторгнуть жизнь и душу, и отправить в дом Аида,

525 чтобы даже Держатель земли не вылечил!»

Так я сказал. Он начал молиться владыке

Посейдону, вытянув руки к звездному небу:

«Услышь, Посейдон темнокудрый,

объемлющий землю,

если ты вправду — родитель, как

утверждаешь,

530 не позволяй Одиссею вернуться, сыну

Лаэрта,

разорителю городов, живущему на Итаке.

Если судьба — увидеть своих и вернуться

в отчизну, в дом, искусно построенный, пусть

он

возвратится без спутников, поздно и горестно,

535 на чужом корабле, и встретит несчастье в

доме».

Так говорил он, молясь. Темнокудрый

услышал.

Он снова поднял глыбину, бóльших размеров, швырнул, закрутив (вложил великую силу):

она обрушилась за темноносым судном,
540 едва не затронув край судового кормила.
Всплеснулось море от глыбы, упавшей в воду,
волна понесла вперед и приблизила к берегу.
Мы достигли острова, где остались другие
крепкопалубные суда, а вокруг сидели
545 скорбные спутники, они заждались
товарищей.

Когда корабль пристал к песчаному берегу,
мы сошли на берег возле морского прибоя,
выгнали стадо циклопа из полого судна,
разделили, никто не остался без равной доли.
550 Крепкопоножные спутники меня
наградили —

овном — отдельно. Возле прибоя — в жертву
овна принес всевластному Зевсу Крониду,
темнотучему, и бедра сжег, но жертвой
бог пренебрег, задумал сгубить без остатка
555 крепкопалубные суда и верных
спутников.

Целый день до захода солнца мы сидели,
угощались сладким вином и обильным мясом.
Когда опустилось солнце и настала темень —
на берегу заснули, возле морского прибоя.
560 Розовым проблеском ранняя Эос явилась.
Я обратился к спутникам и велел подняться
на корабль и отвязать кормовые канаты.
Тотчас взошли, и расселись возле уключин

рядами, и взбили веслами пенное море.
565 Мы продолжили плавание, с печалью в
сердце,
потеряв товарищей, но радовались, что
выжили.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

Мы достигли Эолии, острова, на котором
живет Эол Гиппотид, любезный бессмертным.
Плавучий остров охвачен стеною бронзовой,

крепкой: отвесные скалы вокруг возносятся.

5 Двенадцать детей родились во дворце Эола:
шесть дочерей расцвели, сыновья возмужали,
шестерых сестер отдал он братьям в жены.

Вместе с любезным отцом и заботливой
матушкой

они изобильно пируют, — пахнет мясом

10 принесенных жертв, длится звучание
флейты;

ночью засыпает каждый возле супруги
стыдливой — на ложе искусном, под

покрывалом.

Мы прибыли в город, в прекрасный дворец
Эола.

Целый месяц Эол привечал и расспрашивал
15 об Илионе, о возвратной дороге ахейцев.

Я рассказал подробно, всё, что случилось,
обратился с просьбой — отправить в дорогу.

Он согласился, выдал мешок из шкуры
девятилетнего быка, в мешок запрятал

20 направленья штормов и шквальных
порывов.

Зевс поставил его надзирать над ветрами —
поднимать, удерживать ветер, который
захочет.

На пустотелом судне шнуром блестящим
перевязал мешок, чтобы хоть малым ветром

25 не сдуло в сторону, выслал дыханье Зефира

доставить людей на судах, но не состоялось возвращение. Мы погубили себя безрассудно. Девять дней и ночей продолжалось плавание, на десятый показалась отчизна, мы увидели 30 огонь и людей, разводивших прибрежное пламя.

Сладкий сон одолел меня: всю дорогу я трудился, работая шкотами паруса, спутникам не доверял, чтоб скорей вернуться. Спутники начали между собой пересуды: 35 вот, он домой привезет серебра и золота — подарки Эола, отважного Гиппотиды.

Каждый так говорил, обращаясь к соседу: «Одиссею везде почет, он всем любезен, в любой стране или городе, где ни объявится, 40 вдоволь имеет прекрасных сокровищ из

Трои,

военной добычи, а мы, проделав не меньший путь, с пустыми руками домой возвращаемся. Теперь вот Эол осыпал подарками дружбы, но скорей посмотрим, что там хранится, 45 сколько в мешке серебра и золота

спрятано».

Так говорили: возобладала злокозненность. Развязали мешок, и вылетели скопом ветры. Шквал подхватил рыдавших, увлек подальше от родной земли. Я проснулся и размыслил 50 в безупречном сердце, погибнуть ли в

море,

выпрыгнув за борт, или беззвучно вытерпеть, остаться в числе живущих. Я не выпрыгнул, остался лежать, укрывшись плащом на судне. Корабли уносило злосчастливым порывом ветра 55 обратно к острову Эола. Рыдали спутники. Мы спустились на берег, воды набрали, вскоре обедали возле судов быстроходных. Когда наконец подкрепились питьем и пищей, в провожатые выбраны были вестник и спутник.

60 Мы вступили в славный дворец Эола, он пировал в окруженьи детей и супруги. Возле колонн мы расселись, на пороге. Изумленные в сердце, они задавали вопросы: «Почему ты вернулся? Что за бог тебя травит 65 враждебный? Мы отправили тебя

заботливо

на родину, в дом, где бы он ни был, отчий». Так говорили. Я отвечал сокрушенно: «Спутники погубили меня и сон жестокий. Дело исправьте, друзья, ведь вам сподручно».

70 Так я сказал, промолвив кроткое слово. Они промолчали, тогда родитель ответил: «Тотчас же остров оставь, позорище

смертных:

не должно мне привечать, отсылать в дорогу человека, который блаженным богам

ненавистен.

75 Прочь отсюда, ведь ты богам ненавистен!»
Так сказал и выдворил (я скорбел безмерно).

Оттуда продолжили плаванье, печалась в сердце.

Терзались люди, трудно работая веслами,
из-за глупости нашей не было помощи

80 в плаваньи: шесть ночей и шесть дней мы
плыли,
на седьмой подошли к высокому городу Лама,
к лестригонскому Телепилу (уходящий на
выпас

слышит здесь оклик того, кто приводит стадо;
здесь кто не спит — получал бы двойную
плату:

85 за выпас быков, потом — за овец
белоснежных;
здесь дневная стезя к вечерней приближена).

Мы вплыли в славную гавань, окаймленную
отвесной грядой скалистой, непрерывной;
выступают два мыса вперед взаимообразно,
90 выдаются на входе в гавань, а вход —
стесненный.

Другие спутники вошли на судах двузагнутых
в продолговатую гавань, суда разместили
борт о борт... Никогда здесь волна не
всходит:

большая ли, малая, — сплошное безветрие

белое.

95 Я один поместил свой черный корабль
снаружи

и закрепил канатом возле скалистой закраины;
на кремнистый утес взошел и разглядывал,
но не заметил людских трудов и воловьих,
только увидел, как дым от земли поднимался.

100 Я отправил спутников выведать, что за
люди,

едящие хлеб, на этой земле обитают.

Выбрал двоих, а третьим был послан
глашатай.

Они вступили на гладкий тракт, где телеги
лес перевозят в город с горных склонов.

105 Возле города встретили девушку —
мощная

дочь лестригонского Антифата набирала воду,
спустившись к прекрасным струям источника,
Артакии, откуда в город приносят воду.

Они приблизились, обратились с вопросом,
110 кто здесь властитель, каким народом он
правит.

Она указала на родительский дом высокий.
Они вступили в дом, обнаружили женщину:
ужасную видом, ростом — не меньше утеса.

Из собранья она призвала именитого мужа,
115 Антифата, который замыслил ужасное
дело:

схватил посланника, состряпал человечину.
Двое других убежали, достигли стоянки.
Антифат разразился кличем, и услышали
мощные лестригоны, поспешили отовсюду,
120 неисчислимые люди, похожие на
гигантов.

Они стояли на скалах, кидали камни
неподъемные. Поднялся грохот: вопили
умиравшие, трещала обшивка; лестригоны
уносили, пронзив как рыбу, жалкое яство.
125 Когда убивали спутников в глубокой
гавани,

я вытащил острый меч, висевший в ножнах,
перерезал канаты на темноносом судне,
тотчас обратился к спутникам с приказом —
схватить рукояти весел, избегая смерти.

130 Вместе ударили по морю, страшась
погибели.

Радостно выбежал в море корабль, подальше
от нависших скал, а прочие сгнули скопом.
Мы продолжили плаванье, печалясь в сердце,
потеряв товарищей, но радовались, что
выжили.

135 Достигли Ээи, острова, где живет Цирцея
пышнокудрая, страшная богиня, которая
говорит как люди, сестра коварного Ээта.
Гелиос — их родитель, светящий смертным.
Матерью Перса была, рожденная Океаном.